

www.promegalit.ru

поэтическая серия
«ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

руслан комадей
ПОПЛАВОК
книга стихотворений

руслан комадей

ПОПЛАВОК
книга стихотворений 2006-2013 гг

Евразийский журнальный портал «Мегалит»
2016

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

Руслан Комадей. ПОПЛАВОК: книга стихотворений. - сер. «Только для своих» - Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ» - Кыштым, 2016 г. - 52 с.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=2Рус) 6-5

ISBN 5-87039-087-33

© Руслан Комадей, стихотворения, 2006-2013
© Александр Петрушкин, дизайн, вёрстка серии, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Будет грустный молочник	/7/
Неundertалец, принявший летать	/8/
Мне по ночам отмерено, Господь	/9/
Начни с растраты численных волос	/10/
КУШВА	/11/
НОВОРОЖДЕНИЕ	/13/
Второй и молотый Брюссель	/15/
На шерстяных костях	/16/
Не могу глядеть, не смотря в погоду	/17/
Развесят нежные открытки	/18/
Состригли снег с увесистых холмов	/19/
Дед Пихто унывает – за дверь	/21/
моя бесхозная жена	/22/

Когда не Бог – судья, присяжные ли вы?

/23/

ПРИЗВАНИЯ ВАРЯГОВ

/25/

ПРОЩАНИЕ

/28/

В Париже похороны Паскаля

/29/

Переживая вечность и непонятно где-то

/30/

В носках из той верблюжьей шерсти

/31/

Я на ты и на вы Святославом пойду

/32/

Перекрывай меня под зонтик

/33/

Я задыхаюсь не очень

/34/

Не гуди, поломоная тряпка

/35/

Послушай мою амораль

/36/

Я переехал через Пермь

/37/

Сгрызает ветер стол фонарный

/39/

По улице пятаются сытые дети

/40/

Я сыт по горло, и засим

/41/

Полёты на нуле

/42/

БОРИС ПАСТЕРНАК

/43/

Я выскребаю снег из-под ногтей

/44/

Яма дырявая для теплокровных камней

/45/

Я щупаю твой голос, гардеробщик

/47/

К канистре припадает мотылёк

/48/

Корабль, как бабка повивальная

/49/

С упитанной пяты шныряю в рыбеса

/50/

Будет грустный молочник –
у меня искривлён позвоночник.
Как воздушные сны-позвонки,
выпирают наружу клинки,
а заросшие волосом кости
обоюдно обхаяли гвозди.
Я кусаю все руки слегка,
точно молоки из молока.
Я как рыба: всё кисти да хрящи
и отпущенный хвост ненавящий...

Heundertалец, принявший летать
сферических птенцов сего разлива,
картавится, и снег ему под кстасть
в ушанку клянчит мелочность на пиво.

По сторонам небесный водоём
впрямляет птиц, расслаивая крылья,
пока глазами в зрении двойном
птенцы щекочут опухлости пыли.

Везде гнездо, куда не переплю-ть:
в ватаге ног и в перистой бумаге.
Пусть воздух не смыкается ничуть
на скошенном и вывернутом шаге.

А у небес размытые края
выкатывают вверх иные взмахи.
Я лётной ночью видел воробья
в смирительной чешуйчатой рубахе.

Мне по ночам отмерено, Господь,
съедая соль, за ней – сырую землю.
А где земля, которую... и где мне
дадут воды, и сон, и хлеба хоть?

Растраченные недогорода
потом проденут через мои веки.
Когда-то в углосуточной аптеке
закончилась кремнистая вода.

Меня поят еросовым настоем,
закладывая босые слова.
Посмертно аплодировали стоя
той матери, которая жива.

Начни с растраты численных волос,
как швейных ниток, морсящих в землю.
Я говорю о сём, чтобы спалось,
а не дубася вслух по голове мне...

Высвечивай слюнам по голосам,
мы слёз понагрошили в лето.
И я тебе не признавался сам,
что сбил со счёта счетовода-Фета.

Нет пятницы в бессонницах слепых,
у них глаза замочные за Тверью.
К ним снежные небесные под дых
карабкаются тернии и тени.

Я тикаю и тычусь в полюсах,
так в сумраке отсыревают карты.
Не плоскостью: я плесенью писах!
Такой Перми и ты не написал бы...

КУШВА

-1-

Хоть с той, хоть с падлой, потому
цветы – растенья неврастений.
Мы в морды били на дому
от дотемна до воскресений.

До дыма тиская глаза,
молоки стаскивая с яблок,
горят за полтора часа
слова, попадавшие набок.

Шли воды, целясь на восток,
цветы расслаивая в нити.
Птенцы, летящие в восторг,
дрожат в окне, как в неолите.

-2-

Где сжатый голос, где огни,
где чушь несущая как стены.
Я камни ем, но где они,
куда я их покамест дену?

Я вслух считаю, но не счесть
глазниц, слезящихся как кремни.
Скажи, а это он и есть,
дурдом, поставленный на землю?

То слово, что произнесут,
под боком задвигает ставни.
Скажи, а сколько было тут
камней, оставшихся на камне?

НОВОРОЖДЕНИЕ

-1-

Вовне оуклившись как робот-идиот,
сей молоко в туманном эмбрионе.
Худая мать в уме наперёчет
как на ладони.

Ей понедельник уличался никогда,
в текучей мякоти ржавеющего града.
В твоей спине срастались холода:
роди мне брата.

-2-

Смотанный ветром через
облик грудного хлеба,
впитываюсь, не надеясь:
сахар честнее снега.

Ветхость кошачьих крошек,
пазуха магазина.
Сплю, в одевало вросший:
ты родила мне сына.

Второй и молотый Брюссель
глядит за мной с опухших крыш.
Ползёт земной усталый сель,
а ты щекотно говоришь.

И гаснут сытые стога,
гребя в дыму сквозных оков.
Я помолчу, а ты – ага.
Я попрощаюсь – будь здоров!

Засохший свет кипит в окне
и кличет талые глаза.
Ты почему моргаешь мне?
Я за тобой, увы, из-за...

Порхаю влёт – второй разряд
пустился с крыш, и только лишь
слова, початые в сто крат,
молчат. Ты не перезвонишь.

На шерстяных костях
смеркаются мосты
о двух ветвях
ползучие цветы
снуют во сне
промышленные вши
пиши зевком на стороне
жиши
так зреет скрученная речь
вечерний вздох
из всех пересечённых встреч
одну из трёх
пока в загулленный силос
плывёт трава
настанет пим же кап-кап-lock
на раз, и два...

Не могу глядеть, не смотря в погоду.
В голове – трава, на районе – блажь.
Только пью и ем ледяную воду;
Жду, пока стечёт, а она всё та ж.

Постою кругом, на ограде – сырость.
Пахнет хлебом снег, а во рту – травой.
Ты в какого такой непутёвый вырос?
Не пугайся, сын, а ещё постой.

Слева – ты права, рукава – направо.
Стоит завернуть, остаётся след.
Столько лет назад умер деда Слава,
папа или мать, а меня там – нет.

Развезят нежные открытки,
а тени заплетут в объятия.
В отдельно-медленной попытке,
как братья,

все влезут в отдалённый домик,
где снег увесистый и липкий.
Ребёнок влез на подоконник.
Не повторяй его ошибки.

Состригли снег с увесистых холмов,
и те оцепенели осторожно.
Всю шелуху и кожу проводов
ещё вчера погладить было можно.

Цела вода, а лопнули назло
колеса капель в тучных оболочках.
И мне не померещилось стекло:
я шёл в него на выгнутых носочках.

На коже уцелевшего лица
ни родинки, ни бельма... В небосфере
есть мальчик, ожидающий отца:
кота в мешке, скелета в шифоньере.

На запах он выходит голодать
(так ужин достаётся по наследству).
И мальчик ищет умершую мать
в покойнице, живущей по соседству.

Брюшные лабиринты как гробы,
рубаха оттопырена на горле.
На похороны словно по грибы,
когда глаза пускают в землю корни.

Соринки слёз сметаются под стол,
соседи затевают годовщину.
Как здорово, что ты меня нашёл
и сам придумал этому причину.

Дед Пихто унывает – за дверь,
нажимая на костный звонок.
И глядя на лощёную щель,
задевает под горлом комок.

И вздыхая, он давит на свет,
выжимая глазки на дверях.
Дед Пихто наступает на след
и ломает замки на веках.

Дверь рыдает. В ответ – никого.
Он сжимает сутулый платок
и хрустит на костяшках его
цилиндрический, медленный ток...

Артёму Быкову

моя бесхозная жена
как снег была искажена
копилось время как сквозняк
и свет от лучевых изнанк
состарившийся как дензнак

смолился как она в воде
цвела и пяталась нигде
не расплетая сны-углы
как обещања прощелыг
слипались накануне мглы

людей подрамные кульки
жена вживалась за буйки
и булькала когда одна
висела поздняя стена
как тень пятнистого окна

в проёме жён была жена
заполненная как нужна
квартирой пасмурных снегов
где Бог снуёт у берегов
как без Голгоф.

Когда не Бог – судья, присяжные ли вы?
идёте наугад в свой захудалый лес,
в широких рукавах обветренной травы
угадывая тень опущенных небес.

Вам снится темнота под твёрдой бахромой,
где траурные сны становятся ничем.
Мне нравится не спать, я так хочу домой,
в безветренную мглу, где нет меня совсем.

Вы видите мой лес, светящийся внутри,
как горизонт, как вдох, как влажные зонты.
Он ясен, словно тень, но ты его сотри,
он больше не отдаст ни капли темноты.

Он сложит подле вас усохшие венки,
где почва из-под ног выдёргивает свет,
где женщины во тьму вплетают позвонки.
Мне непонятен лес, которого здесь нет.

То женщины, то я (откуда мы взялись?)
обматываем лес искрящейся фольгой.
И неба не видать, и небо смотрит вниз,
и стала тьма другой...

Я – недоумок тьмы, я – выродок дверей,
поди меня спроси: зачем тебе глаза?
Ведь темнота есть только у поводырей.
Когда они ведут, подглядывать нельзя.

ПРИЗВАНИЯ ВАРЯГОВ

-1-

Когда завянут зубы – выкинь,
положь на место, но не надо
махать рогами, словно викинг,
переплывая до Эллады

на кораблях и на попутных,
взвалив посудину на спину.
Больные львы в собачьих буднях
грызут бессонную осину.

Там каждый щит потарен Тору,
а ветром выдувают имя.
Мужчины преданы повтору,
вовсю становятся другими,

меняют женщину на платье
и ждут тугого полугода.
Варяги брошены в объятья,
клянут похабную походу.

А дождь, по палубе разлитый,
у ветра спрашивает: где мы?
А викинг мокнет с непокрытой
и воду пробует из шлема.

-2-

...Варяги спят. Под ними – молот.
Пшенице – ложь. Застряла, и
лежит варяг, и рот проколот.
На море стонут короли,

а крестоносцы гроб Господен
несут, где сорванный Гольфстрим
плывёт. Ледовый идол – **Один**.
(**Один?**). В Лютетию на Рим

ползут покатые байдарки,
пироги, но незнамо как
по триумфальным алкоаркам
скребут, как мыши, кавардак

Стокгольма, Праги, горизонта.
Восходит Дант, обит и пуст.
А сквозь века и за виконта,
стряхнув с письма прозрачный хруст,

варяги чуя полночь, дремлют,
встают и, пальцем дуя в ночь,
скользят на выжитую землю,
переходя по шагу прочь.

И валит пар. Изустный воздух
зажат клочками над кормой.
Варяги смотрятся сквозь звёзды
и возвращаются домой.

ПРОЩАНИЕ

Ты забыл, куда я шёл,
и теперь – пусти.
Раньше было хорошо
и легко почти,

где в игрушечной реке
брызгалась вода.
Оглянулся вдалеке
и исчез... куда?

Где за ором – разговор,
выпуклая речь.
Опустил глаза во двор –
некого стеречь.

Я ослушался того,
кто стучался в дверь.
Раньше было ничего,
хорошо теперь.

В Париже похороны Паскаля
уже девятый век подряд.
«Он не ушёл, но мы искали!»,
– Парижским басом прогалдят.

Версаль закрыт – замок в Луаре.
Стальные лоскуты – огни.
Один на всех и при фанfare
не молкни, стоя – отдохни.

Корабль брасом шёл по Сене...
Мольерский дом размылся в пыль,
где не без ложных воскресений
скрипела водоводевиль.

Париж замолк – и в полой зале,
расшитой шелестом и днём,
Паскаль пропал, но мы искали,
не вспоминая ни о нём.

Переживая вечность и непонятно где-то.
Трепетная беспечность – длительная вендетта.

Падая в снег из перьев – вырез икает взглядом.
Я выражаю взверье – слывши не первым гадом.

Месяца нет до сёдня – нудно, и дым под мышкой.
Зайцеобразный льготник – это, наверно, слишком.

Думая тем, что рядом – пудря мозги до кости.
Я не хочу, а надо – в лоб продлевая гвозди...

Р.К.

В носках из той верблюжьей шерсти,
где застревала та же нить.
Четыре довода – до смерти,
чтобы дошить.

Я изувечил твои руки,
сочились нити без конца.
Не соскребай гнилые звуки
с лица.

Я расплетал твои колени
и прятал голову в окно.
Глядели мертвые на время,
как заодно.

Я рассказал иную притчу,
когда вставал из-за стола.
О чём рыдаешь, Беатриче?
Ты умерла.

Я на ты и на вы Святославом пойду,
просто на... – не бываю ухожен.
Если да – посылают, простите, в пихту!
(в острия этих палок и ножен).

Ты не стой, на штыки заколочен, француз!
Здесь с изяществом дамочки просты
в длинных платьях из разных и зыбких медуз.
Всё встаёт, иновального роста...

Шо не робишь? – для счастья такого, впритык
матом кроя змею-подколоту,
Если нет – наступает на пальцы кирдык
и мутит туалетную воду.

Перекрывай меня под зонтик.
Я не подзорный – ветер спит.
И снег вдевает смуглый ломтик
и расстояние продлит.

Я заживу на славу воле.
Ты помнишь, где, – я буду там!
Посыпь на сердце из мозоли,
и я поеду по пятам.

А там в стене холестерина
жиреет воздух – до весны.
Она идёт – спаси, Марина! –
Страшнее атомной войны.

Я задыхаюсь не очень.
Это от Турен... сорвалось.
Хочешь проснуться? Но в полночь
я совершу психопакость.

Ты будешь долго (как Водка)
литься. И злиться – вот, снова!
Это ЕТ, как из глотки,
луком закусывал слово.

Шо не врубаешь? – Врубаю!
Впрочем, уж утро – в отрубе.
Слушай, давай баю-баю? –
завтра закусывать будем.

Не гуди, поломоиная тряпка,
осыпаются крошки по дну.
У меня переломана лапка,
а другая стоит на кону.

Я иду и, бодая светильник,
разымаю развесистый плед.
Согревает живой холодильник,
донося замороженный бред.

Подымаю монтажные лампы,
собираю горстями желёз
соскребные, пустые эстампы –
корневища мордастых волос.

По бровям, по деньгам и по полу
копошится венозная пыль.
Дайте мне триста грамм валидолу –
я надену на это костыль!

Послушай мою амораль,
темнённую в стенах у соли,
где грешник забыл пастораль,
свивая деяние боли.

Ты чуешь щемящий поток
из звуков, наречий и пыли,
разделав неплоский глоток
на байки неправды и были.

Качаешь себя чересчур
на створках зоба жестяного
и крестишься: *чур, меня, чур!*
Ты понял меня с полуслова...

Я переехал через Пермь,
рысцой влезая по наклонной,
где мимо тернии, но в тернь
ломал дубли, а не рублоны.

Лицом продажного овца
(он продавец на сокращёнке)
десятки лезвием конца
лепили руки на сгущёнке.

Не вижу – пиво куп. за руб.
Охота – до шестого пота
засунуть заострённый зуб
в тебя, палёная «Охота»!

И то-то! Пьянству – бой и мат,
не шахматный – любой, любимый,
а печень сбыть в военконмат,
где я прошёл бы мимо – мимо.

Спит армии колючий строй,
где лыс салага по затылку.
Захлопну с ней, и ерь с тобой,
пока не высосу бутылку.

Проездом вымарана Пермь,
пермяки – родичи Кальпиди.
Я помню: дней в неделе семь.
Отстукал поезд: *спите, спите...*

Сгрызает ветер стол фонарный.
Под ним – Кусто. Повадит вечер
меня в зарубленную «Травму»
и мне зашепчет как диспетчер:

«Иди на ощупь». Почта смежна.
Я увязаю в провод. Буря
зовёт походкой цифробежной.
Я попадаю в вихрь пульей.

Магнит в чугунные загибы
пододвигает облик крыши.
Машины, мёртвые как рыбы,
меня смущают: ветер дышит!

Диспетчер плачет, умоляя,
и я на цыпочках, как филин,
бреду по лезвию трамвая.
Плюс ноль – под киль. И снег бессилен.

Плывёт огонь за светофарой,
глаза слоятся на изводе.
Я тихо сплю и ем кошмары...
В котором роде?

По улице пятаются сытые дети,
сдувая веснушки с плащей и пальто.
Зарыты картонные двери. А эти
увидят всё это! Скорее, не то...

А падает воздух, иссохший как сахар,
дитяти надуты на голос. Земля
оборвана в ветер – и ветер бабахал!
А в небе не люди летят опосля.

И высятся щёки – и снова дающий,
сдвигает глобальными видами, снег...
А дети идут, кого нет, кого плющит,
и каждый из них – Человек.

Отцу

Я сыт по горло, и засим
не увернуться из-за дыма.
Мне папа снился как Максим
на повороте до Висима.

Там смерть колышется в окне:
слепой набросок карандашный.
А я трясусь на простыне –
мне жутко, папа, но не страшно.

Кровь созревает, наконец,
в сырой проталкиваясь кашель.
Смотри, я вырасту, отец,
а ты уже не будешь старше...

Не засыпай, я сам усну.
Зачем ты маме руки крутишь?!
Максим, оставь её одну,
ты больше бить её не будешь!

Твой взгляд становится косым,
ты стонешь, сваливаясь на пол.
– Зачем ты нас пугаешь, папа?
– Я не отец тебе, а сын!

Полёты на нуле,
где Парщиков охрип.
Он прятался в земле
от водородных рыб,

ныряя в слепоту,
в попеременный свет,
как бабочка во рту,
петляя или нет,

карябая уста,
сползая по лицу.
Смешно и неспроста,
и нет конца концу.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Свеча сидела на столе,
жгла тень как тело.
Мело по жестяной земле,
и всех задело.

Цвела обветренная тьма,
бряцали листья.
Внутри оконного письма
слипались лица.

Старели тени на пути
ж.д. пределов.
Там небу некуда пойти,
а что здесь делать?

Смотрелся ветер в календарь
и длился выше.
Ни голоса, ни тьма, ни даль:
никто не выжил.

А. Санникову

Я выскребаю снег из-под ногтей,
так холодно, что он уже не тает.
Боюсь, что не могу иметь детей,
но и себя мне тоже не хватает.

Меня ворует снег, что за напасть!
Хочу смеяться – почернели зубы,
хочу убить, но не могу украсть.
На кухне снег колотится об трубы.

И я сажусь к горбтому столу,
ты с краю, ты не любишь ужин.
Как мальчик в каменном углу,
играю в сны, прикидываюсь мужем.

Как так... Ты не заметила родства,
ведь снег, как сын, садится мне на плечи!
Держусь за снег, за скользкие слова.
Я не оглох, я потерял дар речи.

Кириллу Азёрному

Яма дырявая для теплокровных камней
дышит, а эхо когтями царапает дно.
Шар искажённого света – шершавый туннель
слеп на прогулке (как в узкоколейном кино).

Море разрытое, в нём закопаю ключи,
тёплый обед (не ручаюсь за выцветший вкус).
Ешь, колесом раздувайся и не бормочи,
не убывай, я уже по колено боюсь...

Взгляд тяжелеет, выходит на лёд Моисей,
а из пластмассы, из глаз подымается пар,
водит по темечку: ты не лысей, не лысей,
если ты выцвел, то в прошлом – временно стар.

Стёкла воды заскрипели, и некуда дуть.
Горло промокло, в нём пробует осень цвести.
Воздух, я выплыл, но ты мне не дал продохнуть!
Я не могу эту жидкую ношу нести!

Переведи на дословный, прочти мне очки:
капли иголок, ледышки из хрупкой травы.
И не смотри ты на звёзды, они – новички,
валятся замертво,
выброси из головы.

Я щупаю твой голос, гардеробщик,
мне кажется, что я тебя ищу,
и волосы мне капают на копчик,
и время обращаться ко врачу.

Я плечики снимаю через кости
и вешалку пытаюсь обрести.
Пальто, в своём захлебываясь росте,
как туловище пробует расти.

Мне холодно, но верится, что скоро
подводная одежда зацветёт.
Карманов реки и рубашек горы
тела могил поставят на учёт.

Зачем в гробах стояли гардеробы?
Где бирки у коронок золотых?
Раздеты тени. Гардеробщик, пробуй
всем доказать, что ты один из них!

Но слово, что зашито в портупею,
осталось в моём теле прорастать.
Нет времени, а я и не успею
не опоздать.

К канистре припадает мотылёк
и чавкает. Его не устаканить.
Кто с корнем вырывает хрусткий клок,
разорванный на нити, а не ткани?

Мотыль летит ничками в воротник
встопорщенный. Я выстоял как олух.
На волосах моих брезентовый парик
напоминает красочный подсолнух.

На пальцах Мендельсона мотылёк
срывает револьвер – стрела за пояс.
Я достаю из пазухи кулёк:
«покушай мотылёк, я беспокоюсь!».

Я чувствую во рту утробный гул
и жжение, заложенное мнимо.
Я – бабочка, я – Бог, я – жидкий стул.
Что с мотыльком – мне дальше не вестимо.

Корабль, как бабка повивальная,
скрипит в сети иллюминаций.
Тебе нужна каюта спальная?
– давай меняться!

Но я во сне увидел Беринга,
он грёб, исполненный спокойствия,
держа в руке бутылку «Беленькой»
без удовольствия.

С упитанной пяты шныряю в рыбеса,
где сызнава, ты взглянь, ни веса, ни отвеса.
Расчёсаны пески, и зреют полюса,
как будто по воде косят без интереса.

По возрасту зрачка не опознать людей,
устаревает свет, и костенеют ветки.
Горбатого гора поправит, ведь над ней:
льняные облака, небесные отметки.

Взаправду в проводах расправленных столбцов
я впитываю сок из каменной розетки.
Я знаю, что потом, но что в тунце-концов,
как рыбы-доктора мнут плоские таблетки?!

Как сложно подымать безумие со дна,
больные – это я, свет залепляет глотку.
Мне плоская земля до боли не видна,
как не видна воде ни удочка, ни лодка.

Я плавал по листьям извилистой земли,
мне огород травы из кровельной крапивы
достался по наслед... Мы всю её сожгли.
Купи мне поплавок, я не прошу на пиво.

www.promegalit.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
СЕРИЯ «ТОЛЬКО ДЛЯ СВОИХ»

Руслан Комадей
ПОПЛАВОК:
книга стихотворений 2006-2013 гг

www.lulu.com
www.promegalit.ru

Подписано в печать 26.10.2016 г.
Формат: 148х148 1/16
Тираж: 400 экз.